

тения разнообразной информации, идеологического воздействия, средство и объект (дошкольного, среднего и высшего) образования, составная часть духовной культуры казахстанского общества и мощное коммуникативное средство. Кроме того, о достаточно высоком уровне владения русским языком свидетельствуют хорошие результаты, показываемые казахстанскими участниками на международных олимпиадах по русскому языку, участие в других международных проектах, проводимых на русском языке и т.п.

Приведенные важнейшие показатели витальности русского языка служат бесспорным диагностическим критерием витальности русского языка.

Осуществляющаяся политика и практика языкового планирования объясняется стремлением поддержать и сохранить межнациональный мир и согласие в полиэтническом Казахстане. Удовлетворение языковых прав, потребностей и требований всех казахстанцев, говорящих по-русски, – это эффективная политическая

мера предотвращения языковых и этнических конфликтов и условие для успешной интеграции и консолидации казахстанского общества, сохранения единого культурного и образовательного пространства со странами СНГ. Полноценность функционирования русского языка непосредственно включается в общий контекст строительства стабильного и благополучного общества.

1. Алпатов В.М. (2003) Роль русского языка в мире // Решение национально-языковых проблем в современном мире. – СПб

2. Бенедиктов Н.А., Бердашквич А.П. (2003) О правовых основах государственной языковой политики // <http://www.gramota.ru>

3. Никонов В. (2010) Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем // Смыслы и ценности русского мира. Сборник статей и материалов круглых столов, организованных фондом «Русский мир» – Москва – С. 4-14

4. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги – Агентство Республики Казахстан по статистике – Астана, 2010

5. Русский язык в мире (2003) Доклад МИД Российской Федерации // <http://www.gramota.ru>

3. К. Сабитова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Одним из актуальных и многообещающих направлений современной лингвистики является лингвокультурология, в центре внимания которой «вечная» проблема взаимоотношения языка, культуры, человека.

В русле этого направления проводятся исследования проблемы языка как способа выражения культуры, менталитета народа, проблем межкультурной коммуникации, языковых и культурных контактов. Подобные научные изыскания в условиях суверенного Казахстана, интенсивно включающегося в мировое образовательное, научное пространство, особенно актуальны. В многонациональном Казахстане разнообразнее и богаче, чем в других странах, происходит межкультурная коммуникация. Казахстанцы лучше понимают особенности национальной культуры и менталитет народов, проживающих в евразийском сообществе.

Известно, что язык и культура являются основными признаками, по которым опреде-

ляется принадлежность человека к тому или иному этносу. Этнос представляет собой группу людей, связанную единством пространства, языка, культуры и социально-исторического происхождения. Культурное и языковое единство этноса в лингвистике обозначается термином «лингвокультурное сообщество». Подчеркивая культурное и языковое единство представителей того или иного народа, лингвисты говорят «носитель языка-культуры».

Язык и культура находятся в отношениях двунаправленной взаимозависимости и взаимовлияния: язык не может существовать вне культуры, культура не может существовать без языка. Язык рассматривается как продукт культуры, часть культуры (мы наследуем ее от предков), условие культуры (через его посредство мы усваиваем культуру). Язык – составная часть культуры и ее орудие, действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в

обнаженном виде специфические черты национальной ментальности.

В многоязычном, поликультурном Казахстане особенно актуальны исследования этнокультурной специфики языков, языка как духовной ценности для овладения культурой межнационального общения. В казахстанской лингвистике получили развитие сопоставительные исследования лингвокультурологических единиц казахского, русского, английского, немецкого и др. языков.

Выражение *диалог культур* можно определить как равноправный обмен продуктами созидательной деятельности человека, взаимно обогащающий каждую из вступающих в диалог национальных культур. Основой диалога культур является отношение культуры к культуре как к «равноправной, равноценной при всех ее отличиях и интересной, нужной, желанной именно в ее непохожести, в ее уникальности» [1].

При этом диалог культур следует рассматривать не только в одной временной плоскости, но и в протяженным во времени, как диалог поколений. Вся мировая культура представляет собой непрерывный диалог, в который постоянно включаются новые голоса.

Произведение культуры как бы провоцирует на диалог с собой, стремление к ответу, а значит, к рассуждениям, выражению собственных мыслей. Эффект влияния культурных ценностей таков, что каждому хочется думать вместе с ними. Ср. в этой связи слова М.М. Бахтина: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [2].

Диалог культур обеспечивает взаимопонимание, помогает лучше понять свою собственную культуру, проникнуть в сущность чужой культуры, языка. Настоящие ценности культуры, по мнению Д.С. Лихачева, развиваются только в соприкосновении с другими культурами, «вырастают на богатой культурной почве и учитывают опыт соседей, ...чем «несамостоятельнее» любая культура, тем она самостоятельнее».

Диалог культур особенно необходим в нашем государстве, ибо можно говорить о формировании особой психологии, мировидения, ментальности, духовной общности людей, присущей евразийцам.

Концепция евразийства предполагает уникальное соединение западных и восточных черт (индивидуализма Запада и коллективизма Востока, рационализма, цивилизованности Европы и духовности, мудрости Азии), одновременно принадлежность Западу и Востоку, Европе и Азии, и в то же время ни к тому, ни к другому. А главное – евразийство знаменует «принцип равноценности ... всех культур и народов земного шара» [3, с.62].

Примечательно, что идея евразийства получила большой резонанс в Казахстане, поскольку дух евразийства близок тюркам издавна: принимая многое из европейского, они оставались носителями восточных традиций. Уникальное соединение западных и восточных черт, взаимообогащающее сосуществование народов Евразии обусловлено общей исторической судьбы, общностью территории, определяющей лицо этноса.

Русский язык в Казахстане – это общение в среде носителей русского языка вне русского лингвокультурного пространства [4, с.559]. Русский язык здесь сохраняет весь объем функций: по-прежнему используется как средство кумуляции и приобретения разнообразной информации, идеологического воздействия, средство и объект образования, составная часть духовной культуры казахстанского общества и мощное коммуникативное средство.

Общность территории, общая историческая судьба народов Казахстана (даже при наличии разных языков) обусловили особую, евразийскую, ментальность, находящую отражение в русском языке, и это обуславливает отличия «казахстанского» русского языка от российского. При этом различия с российским русским языком касаются только лексического уровня – в основном это заимствования из казахского языка, обозначающие казахстанские реалии, фонетический и грамматический же уровни языковой системы не затрагиваются.

Изучая ментальные характеристики культурно нагруженных единиц языка, необходимо исходить из того, что язык – это неотъемлемый компонент формирования этнического мировосприятия, этнической ментальности.

Степень осмысления этнической принадлежности человека отчетливо просматривается при изучении одних и тех же концептов, которые внешне совпадают, но различаются культурной семантикой, ролью в формировании взгляда на мир и системы ценностей, в выборе линии поведения в социуме, напр., концепты СТЕПЬ, ВОЛК, МЕДВЕДЬ, ДОМ, ЛУНА, ВОДА и др.

Национальный язык создает специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образом жизни и национальной культуры данного народа.

Лингвокультурологическое, историко-этимологическое исследование единиц языка позволит расшифровать их культурную значимость слова. В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно. Однако она есть и «работает» на уровне подсознания. Смыслы в креативной памяти культуры не хранятся, а «растут» (Ю. Лотман), трансформируются и преобразуются в тексте, вокруг которого создается смысловое пространство, некая семантическая аура, соотносящаяся с теми или иными фрагментами этнокультурной памяти. При этом настоящее становится в зависимости от «прошлых» состояний и их проекций в будущее».

Интересно наблюдать, как у разных народов локализируются ощущения в человеческом теле: для каждого из физических и психологических проявлений человека имеется определенный орган, являющийся местом их нормального «пребывания». Для русского человека эмоции локализируются в *сердце* (ср.: *сердце радуется; сердце не на месте; сердце падает; отлегло от сердца; брать за сердце; на сердце камень; сердце кровью обливается* и др.), оно является вместилищем души, часто выступает заменой человека в целом (*злое / доброе сердце*). У других народов вместилищем чувств являются органы, не «популярные» для русского языкового сознания, например, селезенка, почки и др. Все европейские языки достаточно «равнодушны» к *почкам*, тогда как в китайской наивной картине мира в почках наряду с сердцем локализуется часть эмоций.

В казахской языковой картине мира особое место занимает слово *бауыр* ‘печень’, называющее орган, в котором сосредоточены чувства человека, ср.: *бауырым; ашуланба, баурынды езесің* (‘не гневайся, печенку испортишь’); *бауырыңды қан қылады (ашуландырады)* (‘за печень (сердце) берет’), ср. русск. *брать за сердце / за душу* ‘сильно, глубоко волновать, трогать, тревожить; вызывать щемящую тоску, боль, радость или умиление и т.п.’ и др.

В древних тюркских языках слово *bayir* имело значения: ‘печень’, ‘сердце’, ‘родствен-

ный, кровный’, ср.: *bolu bar mana sen aja bayri taş* ‘согласись со мной, ты, чье сердце (букв. печень) – камень’. В производных словах актуализируется второе, переносное, значение слова *bayir*: *bayirsaq* ‘добрый, мягкосердечный, жалостливый’; *bayirsaqliq* ‘преданность’; *bayirsiz* ‘недобрый’; *bayir ber-* ‘быть сердечным’ [5, с.78].

Неслучайно на другие языки слово *бауыр* переводилось функционально соответствующим словом *сердце*. О. Сулейменов приводит интересный пример: при переводе традиционного обращения казахов к близкому, самому дорогому человеку “*о, баурым!*” (буквально «о, печень моя!») он передавал адекватно “*о, мое сердце!*”. Но автору не нравилось, он требовал буквального. «Для русского человека такое обращение больше говорит не о чувствах лирического героя, а напоминает жалобу на цирроз..., для казахского слуха выражение “*о, мое сердце*” равносильно было признанию в стенокардии».

Таким образом, культурно обусловленные средства выражения локализации ощущений, чувств человека демонстрируют специфичность образного мышления народов, влияющего на формирование их картины мира. Люди находятся как бы во власти языка, приспосабливаются к действительности с помощью языка. Подлинный мир строится на языковых привычках этноса. Язык «навязывает» носителю взгляд на мир, иными словами, миропонимание человека частично находится в плену у языковой картины мира.

Культурные мотивации употребления слова, культурные смыслы в семантике языковых единиц могут не осознаваться носителем языка, так как их истоки могут быть неочевидными, непонятными без обращения к истории языка, к истории культурных представлений носителей языка, они выводятся в результате историко-этимологического, лингвокультурологического анализа.

Обращение к проблемам межкультурной коммуникации позволит сделать больший акцент на открытости, терпимости, свободе от предубеждений по отношению к представителям иной культуры, готовности к общению, столь необходимых в будущей жизни молодых людей. Это неотделимо от основных целей обучения в школе, университете – подготовки думающих молодых людей высокой гуманитарной культуры, способных принимать самостоятельные решения в преобразовании окружающего мира, сохранении культурного наследия.

1. Каган М.С. Горизонты и границы диалога // Онтология диалога: метафизический и религиозный опыт. – СПб., 2002. – С.18-20.

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 422 с.

3. Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Наследие Чингизхана. – М.: Аграф, 2000. – С.29-92.

4. Прохоров Ю.Е. Старые вопросы нового времени: Чему учить иностранца? Проблемы взаимосвязи языка и культуры сегодня // Мир русского слова и русское слово в мире. – Т.4. – Sofia: Heron press, 2007. – С.558-563.

5. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

***

Мақалада мәдениет ақпаратындағы тілдік бірліктерді білдіретін тіл мен мәдениет арақатынас мәселелері қарастырылады.

***

The article deals with the problems of interaction between language and culture. The problems of expressing cultural information in language units are also considered in the article.

А. Л. Гавриков, Т. А. Лисицына

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО МИРА КАК СОЦИОГУМАНИТАРНЫЙ РЕСУРС ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Состоявшееся в 2009 году празднование 1150-летия Великого Новгорода со всей очевидностью подтвердило тот факт, что внутренний потенциал современной комплексной программы цивилизационного развития России в значительной степени питается тысячелетним историческим опытом Новгородской земли. Символом духовного наследия Великого Новгорода служит фигура Ярослава Мудрого, соединившего в своем лице практическую конкретность государственного Дела с истиной философского разума. У истоков русской истории сияет образ мудрого правителя, в имени которого заключено духовное призвание России. Живым свидетельством этого призвания на Новгородской земле стало рождение университета, носящего имя Ярослава Мудрого. Высокая миссия Новгородского университета состоит в том, чтобы воспитать истинный разум грядущей России, сформировать духовный строй русского мира, выражающий единство образовательных и просвещенческих традиций отечественной науки.

Знаменательным событием в реализации социокультурной миссии университета стало инициирование интеллектуального проекта «Русские культурно-исторические центры на лингвистической карте мира» накануне предстоящего 1150-летия русской государственности. Проект представляет российский вектор в разработке генеральной стратегии взаимодействия человека, культуры и общества в эпоху глобализации как ключевое направление реали-

зации программы созидания русского мира III тысячелетия [10].

Стартовый цикл мегапроекта – «Великий Новгород на языковой карте русского мира» – реализован на базе Новгородского регионального университета классического типа при поддержке фонда «Русский мир» [10]. В основу проекта положен принцип определяющей роли знаково-символического кода русской культуры в социальной организации особой стати русского мира, трансформируемый в новой российской стратегии международного сотрудничества в принцип приоритетной значимости лингвосомиотических перспектив в информационно-образовательной и социокультурной политике российского государства эпохи глобализации [4; 6]. Проект является началом системной реализации стратегической идеи, имеющей целью создание языковой карты русского мира как духовного, информационно-образовательного, социокультурного и геополитического пространства, организуемого русским языком – языком общения, образования и науки, делового взаимодействия, межкультурного и межгосударственного сотрудничества [5].

В проекте предлагается способ восстановления цивилизационной роли русской культуры и реализации российской модели социокультурной, информационно-образовательной и языковой политики через историко-культурные центры как реальные символы русского мира, подчеркивающие предметную зримость, эмоционально-эстетическую и интеллектуально-